

Оксана Пашко

Студент-филолог в Советской Украине 1920-х гг. (на материале записных книжек Соломона Рейсера)

В статье анализируются неопубликованные записные книжки Соломона Абрамовича Рейсера (1905–1989), которые хранятся в киевском архиве Института литературы им. Т. Шевченко НАН Украины (Киев). В работе показано, что такие эго-документы могут стать важным источником для изучения литературной и культурной ситуации в Киеве 1920-х гг. Также на основе архивных документов идентифицируется личность близкой знакомой С. Рейсера, Анны Николаевны Оберучевой (1891–1982), участницы одного из первых громких политических процессов в СССР – Киевского областного Центра действия (1923–1924), свояченицы культуролога и историка Николая Павловича Анциферова.

Ключевые слова: Соломон Абрамович Рейсер, Николай Павлович Анциферов, Анна Николаевна Оберучева, Татьяна Николаевна Оберучева, Илья Эренбург, Андрей Белый, дневник, эго-документ, 1920-е годы, Киевский областной Центр действия

1920-е годы – переломные годы в истории, время формирования нового советского человека, период политических, социальных и культурных экспериментов. Этот период довольно подробно воспроизводится в различного рода эго-документах, в частности в личных дневниках молодых людей 1920-х годов. Однако дневниковых записей личного характера, описывающих жизнь молодого человека в Советской Украине 1920-х годов, мало. В этой статье речь пойдет о неопубликованных записных книжках Соломона Абрамовича Рейсера (1905–1989), в будущем известного текстолога и литературоведа, который в 1917–1926 гг. жил в Киеве. Эти документы хранятся в архиве С.А. Рейсера в Институте литературы им. Тараса Шевченко НАН Украины (отдел рукописей) и до сих пор не привлекали внимание ученых. Граничные даты «киевского архива» С. Рейсера: начало 1920-х – начало 1930-х годов. В статье исследуются записные книжки 1922–1926 гг. (ИЛ, ф. 243, д. 26, 34, 38, 39), когда С. Рейсер был студентом Высшего института народного образования им. Драгоманова (ВИНО), куда он поступил в 1921 году (ИЛ, ф. 243, д. 41, л. 1). Сформированные в несколько архивных дел записные книжки С. Рейсера – это около десятка блокнотов, общих тетрадей (на обложках которых характерные дореволюционные виньетки), отдельные листочки мелко исписанных записей. Некоторые из тетрадей имеют самодельную обложку, на которой фиксируются конечные

даты записей и периодически указывается жанр записей: «Заметки, мысли, конспекты, выписки и пр.» (ИЛ, ф. 243, д. 34), «Записники. 1923–1926» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (1; 2)); *Notes* (ИЛ, ф. 243, д. 39), иногда записки личного характера перемежаются конспектами прочитанной литературы: «Тетрадь I-ая. Varia. Miscellanea. Methodologia. Материалы» (ИЛ, ф. 243, д. 26).

Стилистически перед нами разнородные заметки: описание событий, пересказ случайно подслушанных анекдотов, слухов, разговоров, записи песен – своего рода «литература факта» в духе 1920-х; также имеются конспекты прочитанных книг; пересказ лекций; иногда приводятся рефлексии над случившимся, есть лирические отступления; порой это обращение к себе с призывом изменить жизнь, своеобразное самовнушение; некоторые тетради имеют эпитафьи. В 1924 году дневники становятся сдержаннее, появляются черты эзопового языка, некоторые отрывки пишутся по-английски или по-немецки.

Родился С. Рейсер в 1905 году в Пуще-Водице, поселке городского типа, месте дач киевлян, с августа 1917 года семья переезжает в Киев. С 1921 года он учится в Высшем институте народного образования Киева (так называемом ВИНО¹, до советской реформы образования – Киевский университет²). Записи были сделаны С. Рейсером в возрасте от семнадцати лет до двадцати одного года.

Из лекционной книжки студента мы узнаем о прослушанных им дисциплинах и успеваемости (в основном «удовлетворительно» и «хорошо», только по истории древнерусской литературы, истории новой русской литературы и народной словесности – «отлично»). Тема кандидатской работы С.А. Рейсера формулировалась таким образом: «Из наблюдений над русским стихом в связи с преподаванием поэтики в школе» (ИЛ, ф. 243, д. 41, л. 4–6). В связи с непролетарским происхождением, С. Рейсер должен был платить за свое обучение, поэтому первую половину дня он работал. Служил он в отделе техотчетности Коммунального предприятия государственного коммунального хозяйства, где познакомился с Анной Николаевной Оберучевой, помощником заведующего подотдела, ставшей одной из важных героинь записок молодого студента.

Из записных книжек мы можем реконструировать образ автора – своеобразного молодого человека 1920-х гг., ироничного, иногда циничного, в меру карьериста («Здоровый карьеризм в жизни необходим. Без него пропадешь ни за что» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (1), л. 6)), который и по воспитанию, и

¹ Такой советский новояз, странного рода аббревиатуры, пародировались киевлянами: «Бывшее “ВИНО” называется теперь “КИНО”... от университета до КИНО “дистанция огромного размера”» [перевод мой. – О. П.] (3.11.1924, Ефремов 1997: 158).

² Реформа образования в Украине была направлена на сокращение в учебном процессе академической составляющей и увеличение педагогической.

по складу характера, и по случившимся с ним в этот период событиям воспринимает советскую власть как чужую.

Отметим, что в отличие от России, в Украине советское правительство окончательно утвердилось только в апреле 1920 года после многочисленных политических изменений, поэтому и воспринималась часто как инородное тело. Молодой Рейсер солидаризируется с Жорж Санд в скептическом отношении к демосу, цитируя ее высказывание о том, что во всеобщем избирательном праве «число господствует над умом» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 9); он уверен, что суть любого правительства – «организованное насилие», а «символом правительства является штык» (ИЛ, ф. 243, д. 34, л. 13). С. Рейсер констатирует у некоторых коммунистов болезнь «комчванство», иронизируя: «на каком сборе, то бишь <...> съезде партии, принят догмат о непогрешимости наркомов?» (декабрь 1923. ИЛ, ф. 243, д. 26, л. 5); ему чужды тексты-манифесты советской идеологии: «Для меня всегда были непонятны слова “Интернационала” “Никто не даст нам избавленья, ни Бог (понятно), ни царь (то же) и ни герой (?)”. Вот тут не понятно. Без геройства освобождения не будет» (декабрь 1923. ИЛ, ф. 243, д. 26, л. 13 об.).

На фоне популистских и агрессивных слоганов про борьбу, характерных для 1920-х годов, Рейсер считает борьбой шашки, шахматы, лыжи, теннис. Своими «боевыми днями» он называет занятия и находит упоение в «боевой радости в области личного усовершенствования» (ИЛ, ф. 243, д. 34, л. 39); «Надо себя перевоспитать. Срок 2 месяца» (после июля 1923. ИЛ, ф. 243, д. 34, л. 54), «быть деятельным, серьезным» (ИЛ, ф. 243, д. 34, л. 55); говорит о важности «самоограничения», «не ругаться – следить за своим языком – это очень важно» (ИЛ, ф. 243, д. 39), «сделать себя занятием» (ИЛ, ф. 243, д. 34, л. 58 об.), а также не курить, так как это «вредная привычка», «вредно отражающаяся на организме нервных субъектов (и я такой). Расслабляет, отнимает много времени и денег» (9.08.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38 (1), л. 68). А. Рожков в книге «В кругу сверстников» описывает две «биографические стратегии» молодых людей 1920-х гг.: «мужики» (пролетарское происхождение, общественная активность, намеренная грубость) и «жоржики» (непролетарское происхождение, намеренная воспитанность, сдержанность, аккуратность в одежде) (Рожков 2016). С. Рейсер представляет в своих записных книжках желаемую для него вторую стратегию поведения.

В плане милитаризации, службы в армии, С. Рейсер – не советский человек, на него угнетающе действует атмосфера военных учреждений, казармы. Он любыми способами хочет избавиться от призыва в армию. Не разделяет он и литературные вкусы советской власти, категорически отрицая «пролетарскую поэзию», не понимая, по каким критериям ее вообще можно выделить. Многочисленны свидетельства С. Рейсера о новом советском быте. Отличительным запахом нового быта является «канализационная вонь» («Что же делать, если оказывается, что лавровый венок Коммунальных Предприятий пахнет запахом сточных вод Отдела Коммунальной

канализации» (9.11.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 29)); размышляя об этимологии ругательств, он отмечает распространение «порнографических картинок» (6.10.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 26), говорит о взятках и безработице. Эту корреляцию мотивов нечистот и советской власти встречаем и в дневнике известного украинского литературоведа и киевлянина Сергея Ефремова в 1924 году: он пересказывает слух о том, что в мавзолее прорвало канализационную трубу и залило помещение, причем это событие «воспевалось» в стихотворении и частушке, которые Ефремов цитирует: «Николай почил в Бозе, а наш Ленин – в навозе» (Ефремов 1997).

Упомянув о праздновании Октябрьской революции в 1923 году, Рейсер отмечает, что «особого подъема не было», он объясняет это тем, что «классового сознания у народа, у массы нет, а национальное есть в сильной степени» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 30). Стихия анекдотов, слухи, которыми, «киевляне вознаграждают себя» (по М. Булгакову), своеобразное народное осмысление идей революции, которое можно было бы назвать «тихим сопротивлением» 1920-х годов, – тема отдельного исследования. Некоторые из анекдотов фиксируются Рейсером после посещения базара, записывается «подслушанное» в магазине, на улице, – эти моменты делают записки ценным источником по истории 1920-х. 24 января 1924 года, когда заговорили о смерти Ленина, С. Рейсер делает запись: «О Ленине уже бредки. 1) Кто был Ленин слышу я на Хрещатике? Здорово! 2) Где похоронят – не в императорском склепе ли? Еще лучше 3) Кто отпевать будет?» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 52). Еще один анекдот, записанный 29 марта 1924 г., обыгрывает советские лозунги, однако оценивается Рейсером как вульгарный: «Рассказывают, что утробные младенцы устроили митинг. Выставили по обсуждению ряд требований: 1) мало места – расширить жилую площадь, 2) темно – электрификацию, 3) не дают свободы слова и 4) половых сношений. В общем, грубо» (ИЛ, ф. 243, д. 39, л. 26). Приведем еще несколько очень точных зарисовок киевского советского быта. 7 августа 1924 года С. Рейсер записывает: «Запрещены к продаже в кн<ижных> магазинах философы-идеалисты. Sic!» (ИЛ, ф. 243, д. 26, л. 22 об.). Действительно, с приходом в Украину советская власть производила тотальную чистку книжных магазинов и библиотек с последующим запретом продажи определенных категорий литературы. Фиксируются в записках мелочи киевского церковного быта: «Ловкие, черт возьми, ребята. На витрине объявлений малой церкви Соф<ийского> Собора. 1) Храм – место духовного общения с Богом. 2) Хор – украшение храма. 3) Жертвуйте на хор и на храм. Вот это я понимаю логики!» (13.10.1924. ИЛ, ф. 243, д. 26, л. 33).

Идеи 1920-х годов о важности гигиены близки С. Рейсеру и реконструируются из описания его распорядка дня: «Физотдел вполне хорошо. Сплю 8 часов. Утром и вечером гимнастика. Часто моюсь. Волос кручу мало. Еда нормально. Чувствую себя хорошо, холода не ощущаю... Совершенно нет. Характер. Трудно. Очень трудно изгнать эротомечтательность... Вообще я

порядочно чувствителен» (11.11.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 38)³. Причем занятия спортом, гимнастикой студент скорее воспринимал не в контексте подготовки своего тела к труду и военной службе, как советские идеологи⁴, а как что-то подобное чистому искусству викторианской эпохи, традиции, восходящей к привычкам денди: «Спорт или физкультура. Принц Уэльский <...> может делать, конечно, что ему угодно, но <...> молодежь, идущая в “спортклубы” в кавычках, должна отдавать себе отчет, зачем идет она туда. Идет ли она туда заниматься спортом. НЕГ! Этого ей не нужно. Чистый спорт=чистое искусство – нам сейчас не нужен» (5.05.1924. ИЛ, ф. 243, д. 39, л. 36). Примечательно, что размышляя о роли спорта в жизни молодого человека, он упоминает имя принца Уэльского, будущего Эдуарда VII, который воспринимался как икона стиля 1920-х гг., представляя собой типаж аристократа-спортсмена (Вайнштейн 2005: 561).

Однако не столько увлечение физкультурой делает молодого Рейсера похожим на молодого человека 1920-х годов⁵, сколько служба: как и большинство студентов того времени, он служил в конторе. Однако со службой, а особенно с «общественной работой», в записках связаны мотивы «омещанивания», «обмельчания», некоторой пошлости. Женщина, которая служит и занимается общественной работой, для молодого человека становится «общественницей» и «старой девой». Причем, если в лексиконе 1920-х годов «мещанство» связывалось со старомодностью, пошлостью, то для Рейсера именно слова «старомодный», «уютный» наполнены положительными смыслами, тогда как «мещанство» – это знаки нового советского быта.

Несмотря на то, что Рейсер воспитывался в еврейской семье, у него в записках не отражается еврейский быт или культура – ни на уровне речевом, ни тематическом, молодой человек ассоциирует себя исключительно с русской культурой. Исключения составляют размышления об антисемитизме, о Первой мировой войне и об обострившемся к середине 1920-х годов в СССР национальном вопросе. Он фиксирует анекдоты, например: нельзя говорить «под-ждать трамвай», надо говорить «под-евреивать трамвай» (8.01.1924. ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 53), иначе это будет восприниматься как антисемитизм. Анализируя причины антисемитизма, С. Рейсер вспоминает работу С. Лурье «Антисемитизм в древнем мире» (1922), с которойзнакомился по рецензии в журнале «Анналы» (1923); по его

³ По сравнению с описанными А. Рожковым случаями нищеты, голода, неустроенности студентов 1920-х гг. (Рожков 2016), С. Рейсера вполне можно отнести к группе благополучных студентов.

⁴ Хоффманн пишет о советских концепциях физического труда, важного «для поступательного движения на пути социального строительства» (Хоффманн 2018: 155), о том, что в СССР «часто не разделяли идеологическое здоровье и физическое» (Хоффманн 2018: 169).

⁵ Однако А. Рожков считает, что «спорт... не стал в 1920-е годы массовым явлением в среде студентов» (Рожков 2016: 344).

мнению, причина антисемитизма в том, что евреи «быстро осваиваются в новой атмосфере (их приспособляемость феноменальна), начинают себя чувствовать равноправными гражданами всюду (я русский)» (30.08.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 11). Однако размышляя о воспитании детей в консервативной русской семье, он признает свою «чуждость» этим настроениям: «От этой вежливости православно-русской семьи, читающей “Новое время”, пьющей чай из самовара и идущей на войну, мне подчас делается как-то не по себе» (13(?).11.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 33).

Отметим, что период киевской истории, зафиксированный Рейсером, является периодом украинизации, когда преподавание в учебных заведениях переводилось на украинский язык, а также все служащие должны были сдавать обязательный экзамен на знание языка. Этот же период – 1920-е годы – является расцветом украинской культуры и литературы, – то, что впоследствии получит название «расстрелянное возрождение». Хотя С. Рейсер успешно освоил украинский язык и литературу, он не мыслил себя как исследователь украинской литературы, в его студенческих работах находим только отдельные упоминания о творчестве Михайля Семенко и Павла Тычины, также в архиве имеется работа, посвященная сравнительному анализу творчества М. Семенко и И. Северянина. В личных заметках появляются такие записи: «Теперь в связи с преобразованием ВИНО в ИНО, в связи с его педагогизацией и украинизацией “оставание” мое там просто абсурдность, и главное – потеря времени» (23.05.1924. ИЛ, ф. 243, д. 38 (1), л. 25). Характерная деталь: он вспоминает, как зайцем проникнул на знаменитую постановку Молодого театра известного украинского режиссера Леся Курбаса, однако ни слова не пишет о самом Курбасе, упоминая только название пьесы – «Газ» Т. Кайзера; поражен он был скорее не режиссурой, а «модностью и огромностью декоративного устройства» сцены (ИЛ, ф. 243, д. 34, л. 21).

Характерно, что Рейсер принципиально не замечает «революционной» топонимики Киева, называя Пролетарский сад Царским. Вероятно, у него нет своего Киева, есть свой Петербург – в основном литературный, и когда Киев совпадает с Петербургом – Петроградом – Ленинградом, он становится своим. Киевлянин Соломон Рейсер чувствует себя провинциалом. Собираясь в Москву, он записывает в дневнике: «Только бы не быть в столице Хлестаковым, или “гоголевским кузнецом”, попавшим в Петербург. Не делать удивленные глаза, а “балетмейстеровать”» (19.10.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 19 об.) (как можно догадаться, речь идет о гоголевском Вакуле).

В записках прочитывается еще один сюжет – проблема выбора будущей профессии: изучение литературы или поступление в Политехнический институт («теперешнее увлечение техникой очень симптоматично. Пришибленные революцией интеллигентки снова хотят кушать» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 9 об.)). Побеждает увлечение литературой: «Я люблю слово как таковое за то, что оно слово и больше не за что» (1.11.1923), «... грусть хватает мне сердце. Служи... учись в Политехникуме... брось филологию

(О! моя возлюбленная)» (до 5.12.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 43). Записки С. Рейсера – это записки индивидуалиста, который не приемлет ничего коллективного; его путь к литературоведению – это не путь поэта или критика к научному изучению литературы, это путь ученого, преподавателя, который мечтает изучать литературу, сохранять свою индивидуальность и оставаться не включенным в современные события. «Но что сказать мне про себя, кроме того, что я есть я» (11.11.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38, л. 17), – пишет Рейсер, «Надо писать Я с большой буквы, как англичане» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 11). Эта индивидуальность проявляется в том, что он не хочет принимать участие в организации кружка «эсперанто» исключительно «потому, что идее эсперанто не сочувствую, не вижу и не верю в его эфемерную сущность» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 20), хотя такое занятие и могло бы помочь ему в продвижении по служебной лестнице. Соломон Рейсер начала 1920-х годов верит в способность личности, а не коллектива преодолеть все препятствия: «Гении не погибают. Таланты тоже» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 47), – уверен он.

В заметках прочитывается сюжет, который можно было бы назвать роман-воспитание, роман-карьера, довольно традиционная форма, характерная для романа XIX столетия. Одна из центральных тем – карьера – необходимость остаться на кафедре («я должен все время иметь перед своими глазами выжженные в моем мозгу единственные для меня возможные слова – остаться при университете» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (1), л. 31)). Постоянно встречаем на страницах и обращение к себе – о необходимости учиться, самосовершенствоваться. Возможно, тут уже проявляются те особенности дневника советского человека, которые Дж. Хелбек называет «воспитание духа», «борьбой за усовершенствование» (Hellbeck 2009: 68–74), подробно описанные им на примере дневников сталинской эпохи.

Другая центральная тема записок Рейсера – поиск любимой женщины и размышления о том, кто такие женщины, и каковы советские «барышни». Многие страницы записок посвящены личности незаурядной женщине, в которую Рейсер был влюблен или думал, что был влюбленным, – Анне Николаевне Оберучевой. Она была арестована в декабре 1923 года и приговорена в 1924 году к пяти годам лишения свободы условно из-за обвинения в участии в Киевском областном «Центре действия» (это был один из первых громких процессов против украинской и русской интеллигенции (1924), который проходил в Киеве). Украинский историк Наталья Василенко-Полонская, жена одного из главных обвиняемых – профессора права Николая Василенко, очень ярко описала выступление на суде Анны Оберучевой: «Анна Оберучева заявила, что стоит за демократию, за свободу слова и печати, что она против диктатуры и за полное равноправие. Она – идеалистка и не может принять марксизма. Это говорила молодая девушка, курсистка, говорила четко и ясно. Она была больна и единственная из всех давала показания сидя, тихим спокойным голосом. Тысячеголовая толпа

замерла и жадно ловила каждое ее слово, которые произвели большое впечатление» (Полонська-Василенко 2011: 344)⁶.

Кем же была Анна Оберучева? Речь идет о свояченице Николая Анциферова, сестре его жены – Татьяны Оберучевой. Анна после смерти своей сестры и ареста Анциферова в 1929 году заменила его детям мать, а после второй мировой войны эмигрировала в США⁷. Действительно, осужденная в 1924 году, в 1929 году она уже могла выехать из Киева в Ленинград. В протоколе допроса А. Н. Оберучевой от 25.10.23 приводится анкета, где имеются следующие сведения: «*Год рождения*: 1891 г.⁸; *из дворян г. Киева*; *Где училась*: в Киевской женской гимназии⁹ и Петербургском женском политехникуме¹⁰ и КИНХе¹¹; *Во время войны*: сестра милосердия; *Кто родители*: отец б<ывший> полковник, умер и мать Екатерина

⁶ Перевод с украинского мой. – О. П.

⁷ В протоколе допроса Анны Оберучевой по делу Киевского областного Центра действия говорится, что ее отец – бывший полковник, а мать Екатерина Михайловна. Такое же имя матери семьи Оберучевых называет и Н. Анциферов. Это косвенное подтверждение того, что Анна Оберучева из записок С. Рейсера и Н. Анциферова – одно и то же лицо. Еще одно подтверждение – адрес проживания семьи: с 1909–1915 гг. в справочниках «Весь Киев» встречаем запись о том, что Оберучева Ек. Мих. проживает по М<алой>-Владимирской, 37 (с 1913 г. – Столыпинская) – именно этот адрес называет Н. Анциферов; однако в справочнике 1916 г. указано, что Ек. Мих. Оберучева проживает уже по адресу Фундуклеевская, 52 (Календарь 1916: 182) – а вот этот адрес фигурирует в следственном деле как место проживания обвиняемой.

⁸ В одном из протоколов допроса ошибочно указано: год рождения 1881 г. (ГА СБУ, д. 55435, т. 18, л. 2), в другом протоколе говорится, что ей 32 года (ГА СБУ, д. 55435, т. 18, л. 13). Скорее всего, родилась Анна Оберучева в 1891 году.

⁹ Записки С. Рейсера позволяют установить, что речь идет о Государственной гимназии Святой Ольги (Ольгинской гимназии) (ИА, ф. 243, д. 34, л. 33). В 1892–1914 гг. гимназия помещалась во флигеле Первой киевской мужской гимназии. Про эту же гимназию пишет Н. Анциферов, вспоминая о киевской молодости: «Таня заканчивала министерскую гимназию, которая помещалась рядом с нашей 1-й. Я помню, как мы взбирались на стену нашего сада и наблюдали гуляющих по своему саду гимназисток» (Анциферов 1992: 124).

¹⁰ В другом протоколе допроса уточняются биографические данные: «Я дочь полковника, училась в Петербурге на Высших женских политехнических курсах, которые окончить не успела, так как началась война 1914 года, и я добровольно поступила на курсы сестер милосердия, по окончании которых я поступила в армию и была на фронте до октября 1917 г. Вернувшись затем в Киев, я занималась уроками, некоторое время служила в Украинском Красном кресте, а в 1920 г. поступила в Управление Киевскими Коммунальными предприятиями, сначала на должность телефонистки и чертежника, где служу и сейчас, занимая с 1921 г. должность помощника заведующего отделом технической отчетности, отдел этот ведает статистической отчетностью работы коммунальных предприятий» (ГА СБУ, д. 55435, т. 18, л. 14).

¹¹ Киевский институт народного хозяйства.

Михайловна; *Место службы в настоящее время*: пом<ощник> зав<едующего> подотдела техотчетности Ком. Предпр. ГХ. Х.; *Постоянное место жительства*: г. Киев» (ГА СБУ, д. 55435, т. 18, л. 2); *Адрес проживания*: Фундуклеевская, 52, кв. 17 (сегодня ул. Богдана Хмельницкого). Из протокола допроса также следует, что Анна Оберучева была знакома с Натальей Жекулиной (Евреиновой), женой поэта и журналиста Бориса Евреинова (1888–1933): «...осенью 1921 года мне принес... Иван Сергеевич Павлюк записку на папиросной бумаге от Наталии Жекулиной, находящейся в Праге, с просьбой служить передаточным пунктом организации, ставящей своей целью сообщение за границу информации о положении Сов<етской> России. Зная Н. Жекулину и любя ее, я на это согласилась» (ГА СБУ, д. 55434, т. 18, л. 2 об.). Оберучева раз десять передавала запечатанные посылки определенным людям, думая, что это материалы для подготовки журнала. В своих показаниях в первом протоколе допроса она очень резко высказывается против советской власти: «А. Оберучева заявляет, что “советская власть должна эволюционироваться...” Мое убеждение, что Коммунистическая партия сама придет к заключению о необходимости восстановления демократии. *Вопр.* Считаете ли Вы конспиративную деятельность актом враждебным совласти? *Отв.* Да, считаю ее актом враждебным. *Вопр.* Следовательно, вы являетесь врагом Советской власти? *Отв.* Да» (ГА СБУ, д. 55434, т. 18, л. 2 об.). В тюрьме Анна Оберучева заболела, ее пытались забрать на поруки сотрудники учреждения, в котором она работала (ГА СБУ, д. 55434, т. 18, л. 15), однако им не позволили. Одна из заключенных, участница процесса, Варвара Виноградова, в прошении следователю писала о состоянии здоровья Оберучевой: два месяца пребывания в тюрьме отразились на ней «чрезвычайно тяжело», у нее порок сердца, слабые легкие и сильнейшее малокровие, «с ней почти ежедневно бывают припадки, сопровождающиеся полной потерей сознания (явление анемии мозга) <...> появился крайне нехороший кашель» (ГА СБУ, д. 55434, т. 18, л. 7-7 об.). Эти припадки повторялись также во время суда.

В записках «Из дум о былом» Н. Анциферов создает очень выразительный портрет молодой Анны периода киевской жизни в доме «номер 37»: «молчаливая, замкнутая, со сдвинутыми бровями, она жила какой-то своей, недоступной нам жизнью. Мы только замечали, как порой вспыхивали ее узкие глаза и что-то сильное, неукротимое просыпалось в ней. Она жила одной жизнью с нами, но как она ее преломляла в себе, никто из нас не знал. Мы называли ее “последовательницей Метерлинка”, ибо он учил молчанию» (Анциферов 1992: 123). Рейсер также оставил нам милые портретные зарисовки Анны Оберучевой, например, описав ее гардероб: «Анна Николаевна сегодня прелестна. Она пришла уже не в своем матроско-голландском костюме, а в черной юбке с белой старомодной блузкой. Блузка, вероятно, ее матери. Желтые чулки и такие же туфли дополнили ансамбль» (4.09.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 13).

За месяц до ареста А. Оберучевой С. Рейсер после отпуска был уволен со службы по сокращению штата (28 ноября 1923), спустя несколько месяцев он оказывается заинтересованным свидетелем политического процесса «Центра действия». С момента ареста А. Оберучевой его записные книжки кратко, но часто пестреют упоминаниями об арестованной. Ситуацию с советскими тюрьмами Рейсер представлял идеалистически, он описывает задумчивую женщину, которая одиноко стоит в камере и о чем-то думает. «My dear Anna. Love I you or not? Where know it? I don't know», – спрашивает себя молодой человек после того, как побывал на суде, угадывается в этом сюжете что-то стендалевское, но наоборот, жертвой выступает женщина. Английский здесь для того, чтобы потренироваться в языке, что свидетельствует скорее о наивности автора перед лицом трагических событий.

Размышляя над собственной любовной историей, Соломон Рейсер много пишет о женщинах вообще. Он их оценивает очень консервативно, резко негативно относится к женской эмансипации, что находится в оппозиции к тенденциям женского движения 1920-х гг.: «Женщина, ставшая умной, теряет всякую женственность и приобретает мужественность» (после 19.10.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38 (1), л. 55). А.Н. Оберучеву он называет «интересной женщиной», по мнению Рейсера, женщине по природе свойственны «хитрость, скрытность, садистские наклонности» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (1), л. 31–33). «Зачем женщины хотят быть мужественными. Разве им мало – быть женственными?» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (1), л. 55), «рождайте детей, варите пищу, шейте, читайте, если это и звучит старомодно» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (1), л. 55). Он констатирует, что с революцией изменяется тип женщины, исчезают барышни. Но самые резкие высказывания встречаются у Рейсера по отношению к женщинам-«общественницам», которых он считает воплощением пошлости. Любопытно, что в киевской студенческой среде, в которой вращался Рейсер, был популярен З. Фрейд: «Фрейд! О ты, Зигмунд Фрейд, будь милостив – истолкуй мой сон!» (7.06.1923. ИЛ, ф. 243, д. 38 (1), л. 34 об.) – молится советский студент, к тому же, он хочет подвергнуть психоанализу психологию современных советских девушек и... шахматы.

Соломон Рейсер как человек, интересующийся литературой, периодически ходил на литературные вечера («Буду на Эренбурге. Видел Мандельштама и Шершеневича» (15.01.24. ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 51)). Благодаря его увлеченности живым словом, имеем несколько уникальных отзывов о вечере Ильи Эренбурга и лекции Андрея Белого – обе состоялись в феврале 1924 г. В ранней юности Рейсер пережил большую увлеченность «Хулио Хуренито» Ильи Эренбурга, что потом не помешало ему считать этого писателя графоманом, наряду с Алексеем Толстым, Борисом Пильняком: «Если бы читатель читал, а не почитывал, не могли бы существовать А.Н. Толстой, Пильняки и Эренбурги» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (1), л. 25). Эренбург, полагает Рейсер, для читателей, «для которых чтение – это род

тюфячка, который они под себя подкладывают, чтобы мягче было (сиречь не скучно), аналогично Пильняк. Мне это до крайности противно» (1924. ИЛ, ф. 243, д. 26, л. 19 об.).

Итак, 18 февраля 1924 года Соломон Рейсер был на лекции И. Эрнбурга; вот как он описывает свои впечатления: «Эрнбург типичный сопливый интеллигент, и сам буржуа ничуть не выше тех, на роль сатирика которых он претендует. Его литературность губит его... Речь его – ряд мелких, а не метких, пошлых анекдотов, нагроможденных друг на друга. Если бы его доклад сильно сократить, мог бы выйти толк» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 54). Из анонсов в киевских газетах можно предположить, что речь скорее всего идет о лекции Эрнебурга «Пьяный оператор», посвященной современной Европе ([б.а.] 1924b: 4; [б.а.]. 1924c: 3).

Совершенно противоположно оценивает С. Рейсер лекции Андрея Белого (запись от 25 февраля 1924 г.): «Белый! Огромная величина. Гений! Он сумасшедший. Несомненно, или гениальный из гениальных актеров. Он на меня произвел огромное впечатление. Как смел Т.¹² написать о нем подобное. Он не смел написать так во всяком случае» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 55). И чуть позже, 29 февраля, он пишет: «Быть внутренне тактичным, воспитать в себе это, как говорит Белый (он на меня сильное, очень сильное впечатление произвел)» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 55 об.). Киевская газета «Большовик» анонсировала лекцию Андрея Белого «Одна из обителей царства теней (о современной Германии)», которая состоялась 25 февраля в Пролетарском доме искусств ([б.а.] 1924а: 6). В записках молодого Рейсера мы имеем одно из редких свидетельств слушателей Эрнбурга и Андрея Белого в Киеве.

По-видимому, политический процесс «Центр действия», участницей которого стала Анна Оберучева, очень повлияла на самого Соломона Рейсера. Он замыкается, 5 января 1924 года пишет: «Стать еще более скрытным!» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 51). Изучая английский язык, С. Рейсер делает попытку вести дневник на английском, возможно, чтобы зашифровать сообщение. Иногда он пишет неопределенные местоимения: «те», «эти», – и здесь уже очень сложно догадаться о смысле сообщения. Эта осторожность молодого человека была обусловлена многими причинами. Следствие по делу «Центра действия» совпало со смертью Ленина, что также усугубило напряженную обстановку в Киеве. Отметим, что уже через полгода (в октябре 1924 г.) после приговора обвиняемым (апрель 1924 г.) в Киеве начались «страшные аресты. Арестовано, говорят, около 700 человек» (28.09.1924. Ефремов 1997: 147). Также усилились меры по «чистке» среди студентов: «Всюду идет новая “чистка” – студентов, учителей, служащих. “Избиение младенцев тысячи”» (8.10.1924. Ефремов 1997: 150).

¹² Скорее всего, имеется в виду высказывание Л. Троцкого об Андрее Белом: «покойник, ни в каком духе он не воскреснет».

К 1926 году на стилистическом уровне в записных книжках начинают прочитываться идеологические словечки современности: «статья по существу глубоко реакционна» (ИЛ, ф. 243, д. 39, л. 16); «констатирую победу на фронте физическом» (ИЛ, ф. 243, д. 39, л. 37) – о роли самовоспитания; «типичная интеллигентская психология» (28 марта 1924, 243, 39: 24 об.). Появляются мысли о компромиссе с укрепляющейся системой: «Что Вам коллективный договор с ЦК КП заключить, что ли?» (конец 1923, после ареста А. Оберучевой; ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), л. 40 об.), «В связи с полит<ической> проблемой надо что-то изменить в своем поведении» (ИЛ, ф. 243, д. 38 (2), 4). Судьба Анны Оберучевой и гибель самого близкого друга (он утонул) для Рейсера стали переломными: он то впадает в депрессию, то восклицает: «Жить, жить, как хорошо жить» (15.04.1924; ИЛ, ф. 243, д. 39, л. 35)¹³.

Подытоживая, можно сказать, что неопубликованные разрозненные черновые личные записки Соломона Абрамовича Рейсера представляют значительный интерес для изучения литературной ситуации в Киеве 1920-х годов – в статье предпринята попытка обозначить наиболее весомые темы заметок. Перед нами важный человеческий документ, в котором описывается внутренняя жизнь и взросление молодого любителя литературы и науки, волею судеб живущего в советском, чужом для него времени, и оказавшегося свидетелем важным исторических событий страны.

Архивы

ИЛ – Институт литературы им. Тараса Шевченко (Украина, Киев).

ГА СБУ – Государственный архив Службы безопасности Украины (Украина, Киев).

Литература

- Анциферов, Н.П. (1992). *Из дум о былом: Воспоминания* / вступ. ст., сост., прим. и аннот. А.И. Добкина. Москва: Феникс. 512 с.
- Вайнштейн, О.Б. (2005). *Денди: мода, литература, стиль жизни*. Москва: НЛО. 640 с.
- Єфремов, С.О. (1997). *Щоденники (1923–1929)*. Киев. 848 с.
- Календарь (1916). *Справочная и адресная книга г. Киева*. 1916 г. 836 с.
- Оберучева, Анна Николаевна (1923–1924)*. ГА СБУ. № 55435, т. 18. 23 л.
- Полонська-Василенко, Н. (2011). *Спогади* / упоряд. В. Шевчук. Киев: Вид. дім «Киево-Могилянська академія». 542 с.
- [б. а.] (1924а). Лекція Білого. 25/II в Пролетарському будинку мистецтв лекція, тема: «Одна из обителей царства теней». *Більшовик*. 21 февраля. № 43. С. 6.
- [б. а.] (1924b). Лекція Эренбурга (18 февраля). *Пролетарская правда*. 16.02. № 39. С. 4.
- [б. а.] (1924c). «Пьяный оператор» (о лекции Эренбурга). *Пролетарская правда*. 20.02. № 42. С. 3.

¹³ С. Рейсер перечитывал эти записи 29 декабря 1973 года, о чем он записал на полях (ИЛ, ф. 243, д. 34, л. 25 об.).

- Рейсер, С.А. (1924, 1926, 1927). *Записники С. Рейсера. 1924, 1926, 1927. Notes.* ИЛ. Ф. 243. Д. 39. 37 л.
- Рейсер, С.А. (1922). *Заметки, мысли, конспекты, выписки и пр.* ИЛ. Ф. 243. Д. 34. 36 л.
- Рейсер, С.А. (1923, 1926). *Записники. 1923, 1926. Miscellanea.* ИЛ. Ф. 243. Д. 38. № 1, 34 л., № 2, 63 л., № 3, 52 л.
- Рейсер, С.А. (1923–1924). *Поэтика. Наука о композиции. Отдельные заметки личного содержания. Тетрадь из конспектов и отдельных заметок.* ИЛ. Ф. 243. Д. 26. 111 л.
- Рейсер, С.А. (1921). *Лекционная книжка студента.* ИЛ. Ф. 243. Д. 41. 7 л.
- Рожков, А.Ю. (2016). *В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов.* Москва: НЛО. 2-е изд. 640 с.
- Хоффманн, Д.Л. (2018). *Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939;* пер. с. англ. А. Терещенко. Москва: НЛО. 424 с.
- Hellbeck, J. (2009). *Revolution in My Mind. Writing a Diary under Stalin.* Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press. 436 p.

Filoloģijas students 20. gadsimta 20. gadu Padomju Ukrainā: Solomona Reisera piezīmju burtnīcas

Rakstā aplūkotas nepublicētas Solomona Reisera piezīmju burtnīcas (1905–1989), kas glabājas Ukrainas Zinātņu akadēmijas Tarasa Ševčenko Literatūras institūta arhīvā Kijevā. Raksts apliecina, ka šāda rakstura *ego dokumenti* var kļūt par svarīgu 20. gadu Kijevas kultūras un literatūras dzīves izpētes avotu. Pamatojoties uz arhīva dokumentiem, identificēta S. Reisera tuvas paziņas, Annas Oberučevas (1891–1982), personība. A. Oberučeva, kulturologa un vēsturnieka Nikolaja Anciferova sievas māsa, piedalījās vienā no skaļākajiem PSRS politiskajiem procesiem – Kijevas apgabala Aktivitāšu centra darbībā (1923–1924).

Philology Student in Soviet Ukraine 1920s: Solomon Reiser's notebooks

This article explores the notebooks of Solomon Abramovich Reiser (1905–1989), which are stored in the Archives of T. Shevchenko Institute of Literature of the National Academy of Sciences of Ukraine in Kiev. The paper shows that *ego-documents* can become an important source for studying the literary and cultural situation in Kiev in 1920s. The archival documents let identify Reiser's friend, Anna Nikolayevna Oberucheva (1891–1982), who was the sister-in-law of famous historian N. Antsiferov. During 1923–1924 Oberucheva was the defendant in the political process in the USSR – the Kiev Regional Centre for Action (1923–1924).